

С. МАКАШИН

Новое о Щедринах

«Моя биография — это мой произведение», — сказал о себе Щедрин в беседе с В. Лазаревским. Слова эти верны только отчасти и в определенном смысле. Правда, трудно найти другого писателя, который бы так слил свое существование с творчеством, с писательской работой. Литература действительно была для Щедрина второй жизнью, иногда более значительной, чем жизнь действительная. «Я писатель по призванию», — говорил Щедрин М. Семевскому, — еще в лицее меня все тянуло к литературному труду; выйдя из лицея, я 20-летним юношей написал повесть, после которой отправился в Вятку; и вообще куда бы и как бы меня не бросала судьба, я всегда бы сделался писателем, это было положительно мое призвание».

Но все же биография Щедрина далеко не сводится к истории его произведений. Рано осознав в себе литературное призвание и проникнувшись им с той силой убеждения, с какой он умел исповедывать свои взгляды, Щедрин лишь на пороге своих пятидесятих годов смог отдаться избранному пути со всей исключительностью и полнотой. Жизнь сложилась так, что целое двадцатилетие после выхода из лицея он провел не в страстно любимой им литературе, а на административной службе, в «глубине глуховских омутов», в «непригодности глуховских трущоб».

Но служба Салтыкова — мало освещенная сторона его жизни. Многие (и иногда самое важное) в служебной биографии сатирика оказывается до сих пор неясным и даже загадочным. К числу таких неясных вопросов принадлежал до последнего времени и вопрос о конце административной «карьеры» Салтыкова — «карьер», изобиловавшей на всем ее протяжении чрезвычайно острыми эпизодами.

В архивных фондах III отделения «собственной его императорского величества канцелярии» — высшей политической полиции империи — мною найдены документы, выясняющие вопрос о последней «отставке» Салтыкова летом 1868 года.

Обнаруженные материалы окончательно перечеркивают официальную версию, закрепленную в «аттестате о службе», где увольнение Салтыкова представлено, как обычный уход чиновника в отставку «по прошению», обставленный всеми обязательными в таких случаях условиями: повышением в чине, назначением пенсии и т. д. С другой стороны, вновь найденные документы окончательно подтверждают и существенно дополняют идущие со слов самого Щедрина (в передаче Н. Белоголова и М. Семевского) указания, что отставка 1868 года была предложена «сверху» и что в этом смысле она была вынужденной, а не добровольной, хотя и соответствовала в то время намерениям самого Салтыкова. Наконец, новые материалы — и в этом их основной интерес — проясняют всю картину «чиновничества» Салтыкова. Они освещают определенным светом весь путь его служебной деятельности и дают ответы на вопросы: чем собственно был занят и что в действительности делал на своих высоких административных постах этот воистину диковинный вице-губернатор и одновременно сотрудник революционно-демократического «Современника», «вице-Робеспьер», как прозвали Салтыкова в Рязани?

* * *

4 мая 1868 года управляющий III отделением и шеф жандармов граф П. А. Шувалов получил «совершенно конфиденциальное» письмо от министра внутренних дел А. Е. Тимашева. Министр, основываясь на только что полученном сообщении от губернатора Болдарева из Рязани, спешил информировать шефа жандармов о возникшем политическом неблагополучии в аппарате управления Рязанской губернии. Речь шла о вскрытом «противодействии, оказываемом [губернатору] в успешном управлении вверенной ему губерниию некоторыми из служащих в Рязани лиц» (лист 7). Министр запрашивал руководителя III отделения, не имеется ли в его учреждении каких-либо сведений о «возникших недоразумениях и о лицах, замешанных в них» (там же). Перечень лиц открывался именем М. Е. Салтыкова. Он служил в это время в Рязани, занимая пост председателя Казенной палаты.

Немедля по получении запроса Шувалов распорядился собрать все, что известно было III отделению о Салтыкове. А известно было этому учреждению многое. С момента ареста Салтыкова в 1848 году и последовавшей затем ссылки в Вятку, всемогущий орган политической полиции уже не выпускал писателя из поля своего негласного наблюдения.

Был «поднят» целый ряд архивных «дел». Сделаны соответствующие извлечения и выписки, и на основании их Шувалов отправил 7 мая 1868 года министру Тимашеву свой ответ.

«...по сведениям, которые получаемы были в вверенном мне управлении в прежнее время, д. с. с. Салтыков нигде не пользовался сочувствием и расположением общества, и действия его, хотя во многих случаях похвальные в служебном отношении, подвергались часто осуждению точно так, как поведение и личные качества его всегда более или менее вредили его частным

отношениям: это было в Рязани и в Твери, когда он был там вице-губернатором, затем, состоя в должности председателя Пензенской казенной палаты, он успел поссорить губернатора с дворянами, а в бытность его управляющим Тульской казенной палатой он своими поступками возбудил общее неудовольствие и порицание, так что тульский губернатор находил совместное служение с ним невозможным и г. министр финансов предполагал уже уволить Салтыкова от службы, но ограничился переводом его в другую губернию, в предположении, что он, сознав неприличие своего поведения, изменит оно».

В заключение Шувалов «полагал бы необходимым удаление его (Салтыкова) из Рязани с тем, чтобы ему вовсе не была предоставляема должность в губерниях, так как он по своим качествам и направленности не отвечает должностям самостоятельным» (л. л. 9—10).

Приведенный документ уже с очевидностью устанавливает, что роль «первого двигателя» в окончательной отставке Салтыкова сыграло III отделение. Но картина все же не была бы вскрыта до конца, если бы вслед за опубликованным письмом Шувалова в «деле» не находился еще один документ.

Вот полный текст документа, никак не озаглавленного в подлиннике.

«Управляющий Рязанскою казенною палатою д. с. с. Салтыков в продолжение всей своей служебной деятельности по ведомствам и Министерства внутренних дел и Министерства финансов постоянно обращал на себя внимание высшего правительства, как чиновник, проникнутый идеями, не согласными с видами государственной пользы и законного порядка; кроме сего, имея превратные понятия о своих служебных обязанностях и о своем назначении, он всегда держал себя в оппозиции к представителям власти в губернии, не только порицая их, но даже противодействуя их мероприятиям. Наконец, в бытность государя императора в 1867 году в г. Туле, тульский губернатор положительно заявил, что находит невозможным совместное служение с Салтыковым, управляющим тогда Тульской казенною палатою. По сообщении об этом министерству финансов, министерство признало возможным ограничиться тогда переводом его отсюда в Рязань; но несмотря на это снисхождение, он и там не мало не изменил своих убеждений и взглядов, продолжает действовать в прежнем направлении и, как и надо было ожидать, вступил в оппозицию против местного губернатора, затрудняя ему отправление власти, высочайше ему вверенной».

Взду такого несправимого образа действий д. с. с. Салтыкова признается необходимым немедленно вызвать его из Рязани с тем, чтобы для пользы службы и порядка не давать ему уже более никакого назначения». 25 мая 1868 года (л. л. 11—12).

На полях документа имеется знак №3 и надпись: «Записка эта составлена по личному указанию г. управляющего 3-м отделением...».

«Записка» резко и определенно характеризует политическую позицию Салтыкова, как позицию, враждебную «видам государственной пользы и законного порядка», т. е. враждебную самодержавию. Чем было вызвано ее возникновение в канцелярских тайниках III отделения? Какую роль сыграла она в биографии сатирика?

Документально обоснованных ответов на эти вопросы пока нет. Но изучение всех материалов позволяет с большой долей уверенности высказать предположение, что «записка» представляет не что иное, как заготовленный в III отделении текст «всеподданнейшего доклада», с которым шеф жандармов счел нужным обратиться по поводу Салтыкова к царю Александру II.

Последствия обращения известны нам уже из других источников. Всего лишь через 4 дня после даты, стоящей на «записке», а именно 29 мая 1868 года, министерство финансов отправило Салтыкову в Рязань официальное уведомление о том, что «министр финансов» — им был в ту пору М. Х. Рейтерн, — «признал невозможным» дальнейшую службу своего бывшего лицейского однокашника. Это и была окончательная отставка.

Политическое поведение («образ действия») Салтыкова-чиновника на всем протяжении его служебной деятельности было признано «неблагонадежным» и «несправимым». Интересы охраны «порядка» самодержавия требовали полного изгнания «вице-Робеспьера» из государственного аппарата царизма. Это было логично. Годы службы давно уже разрушили в Салтыкове просветительские иллюзии его молодых лет, когда он полагал, что можно быть полезным народу и в роли честного и доброжелательного чиновника и когда он верил в результат созданной им в годы вятской ссылки теории «практиковать либерализм в самом капите антилиберализма».

То, чего не мог сделать Салтыков — вице-губернатор и председатель Казенной палаты, то мог сделать и сделал великий Щедрин-писатель. Мир помладуров и глуховских градоначальников, столь превосходно изученный и столь страстно ненавидимый Щедриным, стерг его от себя и выдал ему «волчий билет». Щедрин понимал это отношение «охранительных» сил царизма к себе. Он знал, что ему платит «отвержением» старый мир, который он с такой силой и глубиной разоблачал и бичевал в своей бессмертной сатире.